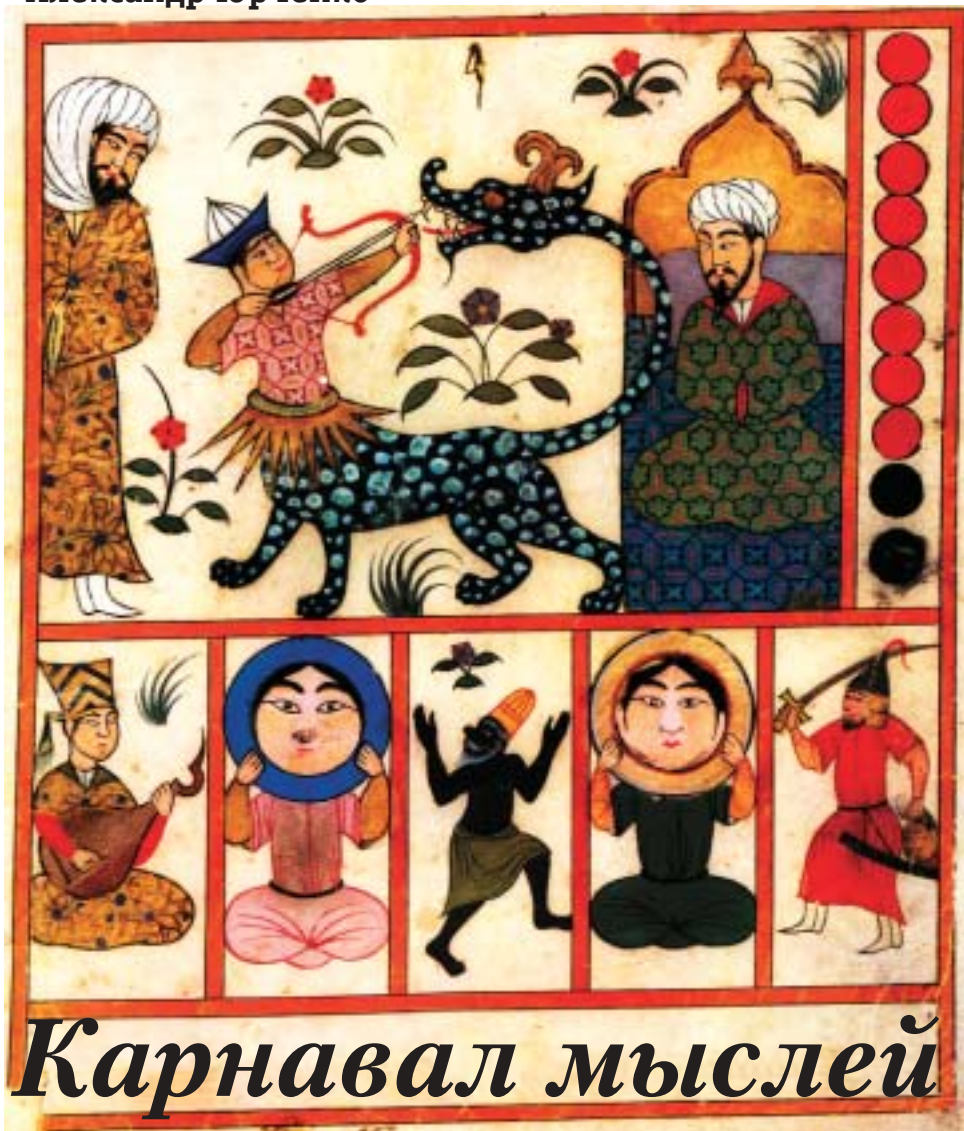

Эта пустая страница добавлена для облегчения просмотра в режиме Facing Pages (разворот), который дает наиболее полное представление о том, как выглядит печатная версия.

Александр Юрченко

Карнавал мыслей

Кентавр-лучник. Миниатюра из астрологического трактата, изданного в 1250 г. Национальная библиотека Франции. Париж.

Александр Григорьевич Юрченко – старший научный сотрудник Проекта гуманитарных экспедиций «Сафир», Санкт-Петербург. Исследование подготовлено при поддержке Фонда Сороса, RSS, грант 958/1998.

Ужас, охвативший Европу в середине XIII века, не поддается описанию. Элита христианского мира обменивалась тревожными посланиями, в которых описывались жестокости неведомых никому монголов. В хронике Матвея Парижского, например, сообщалось, что там, где прошли монголы, осталась безлюдная пустыня и даже земля перестала плодоносить. Казалось, сбываются пророчества о конце света. Возможно, именно этот страх объясняет скрытые причины первых дипломатических посольств из Европы к Великому хану монголов. Впервые Евразийский континент предстал как некая единая целостность, и для Запада стало жизненно важно узнать правду о мифическом Востоке. Из лабиринта слухов был только один выход: отправить представителей нищенствующих орденов в самое сердце Азии. Миссией, открывшей Азию Европе, стало посольство, направленное папой Иннокентием IV к предстоятелю кочевых полчищ в 1245 г. Посол папы францисканец Иоанн де Плано Карпини и его спутник и переводчик брат Бенедикт Поляк достигли монгольской кочевой столицы близ Каракорума, южнее озера Байкал, и вернулись с донесениями о своем путешествии.

Европейская карта 1459 г., изображающая владения монголов в Китае. В центре Ханбальк (Пекин). London. British Library.

вии. Так европейцы открыли для себя неизведанный континент. Монголы были вписаны в круг культурных народов и потрясение, вызванное вторжением воинственных кочевников, сменилось пристальным интересом к истории степной азиатской империи. Однако донесения францисканцев, рожденные как ответ на таинственную игру мировых слухов, явились не только опровержением этих слухов, но и сами донесли до наших дней загадку столетия катастроф.

Странное сочинение

В донесения францисканских монахов, ныне широко известных, было включено сочинение, чье содержание не было понято и оценено по достоинству до сих пор. Речь идет о вымышленной истории рождения империи Чингис-хана, ряд эпизодов которой носит заведомо фантастический характер. Это обстоятельство вполне осознавалось самими францисканцами и тем более не вызывает сомнений у современного читателя.

Согласно этому сочинению Чингис-хан задумал план мировой экспансии и под страхом смертной казни запретил своим армиям возвращаться раньше установленного срока. В силу приказа монгольские армии, покорив культурные народы, вынуждены продолжать походы. Они пересекают границы мифических пространств, где сталкиваются с монстрами и чудесными народами (асимметрич-

ными людьми, воинами-псами, защищающими остров женщин, человеческими существами на негнувшихся ногах и т.д.). Вторгаются они и в Малую Индию, заселенную черными эфиопами, и в царство пресвитера Иоанна, легендарного правителя Великой Индии. Сам же Чингис-хан направляется к мифическому центру мира — Каспийским горам, чья магнитная сила лишает его армию оружия и железных доспехов; когда же он достигает восточного края земли, большая часть его воинов гибнет от шума восходящего солнца. Особенно загадочно выглядит в сочинении смерть Чингис-хана от удара грома и пророчество о грядущей гибели империи. Не требует пояснений то, что ни одно из указанных событий не имело места в действительности.

Обратимся далее к тексту «романа»...

Монголы, пожирающие людей. Миниатюра из «Великой хроники» Матвея Парижского (1236–1259). Cambridge, Corpus Cristi College.

Роман о Чингис-хане

Махмуд ибн Себуктегин из Газны переправляется по мосту через Ганг. Сам он и его окружение изображены в типичном монгольском одеянии. Миниатюра из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина (1306 г.). Эдинбург. Университетская библиотека.

<3> И был же в этой <земле Моал> некий муж из некоего знатного рода, но нравов жестоких, по имени Чингис, от которого тартары и повели <свое> начало. Он с малым <количеством> людей своих начал захватывать добычу. В конце концов, став более жестоким, он тайком захватывал людей и присоединял <их> к владычеству своего беззакония. И когда он собрал себе тридцать сообщников и впал в явное безумие, тогда он полностью подчинил своей власти всю землю, в которой он родился, то есть Моал. Сделав это, он, будучи нрава высокомерного, начал стремиться к большему и, собрав войско, выступил в землю соседнюю, прилегающую к ним со стороны востока, которая ими же называется Су-Моал, то есть водные монгалы, ведь су по-тартарски означает на латыни aqua (вода). Моал <по-тартарски> — земля, монгалы — означает <имя> жителей земли. Однако сами <они> называют себя тартары от <названия> большой и стремительной реки, которая пересекает их землю и называется Татар. Ибо тата на их языке означает на латыни trahere (тащить), а тартар — trahens (тянущий). Они сами себе назначали вождя, а в то время они поставили над собой вождя, по имени Каули, победив которого, Чингис <его> поверженных людей присоединил к своему войску. Потому что он привык побежденных всегда присоединять к себе, чтобы доблестью большей силы превосходить другие земли, таким же образом, как это со всей очевидностью проявляется в его потомках, которые суть последователи самого коварства.

<8> Затем <Чингис> пошел войной на юго-восток и захватил четыре земли, а именно: Войрат, Сары-уйгур, Каранитов и Космир <Кашмир>. И затем он снова вернулся восвояси.

<9> Но поскольку жажда власти не позволяла ему пребывать в бездействии, собрал он всю огромную мощь, какую только мог, и выступил против императора китаев. В конце концов, после длительной войны, обратив в бегство войско императора, самого императора осаждал в столице, очень сильно укрепленном городе, до тех пор, пока осаждающие, вследствие величайшей нужды, были вынуждены съесть по приказу Чингиса <каждого> десятого человека из десятки. А осажденные же, когда у них проявился недостаток в стрелах и камнях, начали метать во врагов серебро, особенно расплавленное. Ибо в этом городе богатства такого рода находились в изобилии. И в конце концов, осаждающие сделали подземный ход до самого центра города, через который ночью ворвались в город и, убив императора с влиятельными <людьми>, завладели всем, что в нем было. Итак, Чингис, приведя в порядок часть земли, которую он завоевал, с радостью вернулся восвояси. Есть также некая часть земли, прилегающая к морю, которой вплоть до сегодняшнего дня тартары не могут завладеть. С этого времени Чингис начал именоваться каном, что означает «император».

<11> Итак, когда Чингис стал именоваться каном и год отдыхал без войн, он в это время распределил три войска <идти воевать> в три части света, чтобы они покорили всех людей, которые живут на земле. Одно он отправил со своим сыном Тоссуком, который тоже именовался каном, против команов, которые обитают над Азами в западной стороне, а второе с другим сыном – против Великой Индии на юго-восток.

<12> А он <т.е. Чингис-кан> с третьим <войском> двинулся в сторону Каспийских гор и, когда он пересек землю, которая называется Солангия, в то время ее не покорив, он постоянно шел через пустыню, в течение трех месяцев не встречая людей. А когда он почти дошел до Каспийских гор, где, говорят, Александром <Великим> заперты иудеи, которые именовали себя Гог и Магог, тут-то вот вдруг все железные вещи (стрелы из колчанов, ножи и мечи из ножен, стремени от седел, трензеля от уздечек, конские подковы, панцири с людей, шлемы с их голов) понеслись к горе со стремительностью и величайшим грохотом, причем (как сами они, вспоминая эти события, рассказывали нашему брату Бенедикту с каким-то весельем), железные вещи потяжелее – панцири и шлемы, которые были вынуждены нестись по земле к горам с большой стремительностью, подымали чрезвычайно густую пыль и сильный грохот. Поэтому их охватили слепота и чрезвычайный ужас. Считают же, что эти горы <состоят> из адаманта.

<13-14> Итак, Чингис-кан в страхе бежал вместе с войском и, оставляя горы справа, двинулся на северо-восток. Наконец, после того как в течение еще трех месяцев они непрерывно с трудом совершали путь через пустыни, он приказал ввиду нехватки пропитания, чтобы они съедали каждого десятого человека из каждых десяти. Спустя эти три месяца он достиг великих гор земли, которая называется Нарайрген, то есть «люди солнца», ведь нара по-тартарски на латыни означает sol (солнце), <a> ирген – homines (люди). А когда он нашел торные дороги и <не встретил> никаких людей, он вместе со своими <людьми> пришел в очень сильное удивление. Вслед за тем, когда был найден единственный мужчина со <своей> женой, он стал при помощи многочисленных переводчиков спрашивать о людях земли, где

Монгольский император на троне. Иллюстрация из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина. Около 1330 г. Топкап . Saray -Museum.

они находились, и, узнав, что они обитают в подземных домах под горами, он, удерживая <при себе> женщину, послал мужчину, которого взяли в плен, с вопросом, собираются ли они выйти для войны <с ним>. Но в то время, как тот возвращался <домой>, тартары, поскольку наступило утро, пали ниц на землю при восходе солнца из-за шума восходящего солнца и многие из них именно там умерли. А жители <этой> земли, узнав о врагах, напали на них ночью и убили многих из тартар. Чингис-кан, увидев это, удалился вместе с остатками <своего войска>, уведа тем не менее с собой взятую в плен жену <местного жителя>. Впоследствии она, как сами тартары сообщали <нашим> братьям, долгое время оставалась с ними, утверждая <при этом> без <тени> сомнения, что вышеназванная земля расположена в самых крайних частях света и что дальше нет никакой земли, разве только одно море-океан. Поэтому, из-за чрезмерной близости <к этой земле> восходящего из моря солнца, в этой области в летнее время слышится столь своеобразный шум и грохот от противоположности солнца и небосвода, что ни один из людей не осмеливается жить под открытым небом на земле до тех пор, пока солнце не продвинется по своему зодиакальному пути на юг, чтобы не умереть тотчас как будто от <удара> грома или не претерпеть <другого> вреда. Поэтому существует также <обычай> в это время бить в громаднейшие барабаны и в другие инструменты в пещерах <внутри> гор, чтобы звуком барабанов оградиться от шума солнца. Эта страна, если перейти через горы, равнина и плодородна, но невелика.

<15> Когда же Чингис-кан, будучи побежден, торопился вернуться со своими людьми из этой земли к себе домой и увидел на обратном пути Каспийские горы, то он не приближался к ним из-за прежнего страха. Однако, видя, что из гор вышли люди вследствие грохота, произведенного ранее (из-за того что железные вещи неслись к горам), он возжаждал с ними сразиться. А когда обе стороны стали приближаться друг к другу, тут-то вот их и разделило облако, встав посредине, как некогда <оно разделило> египтян и сынов Израиля. Поэтому вполне вероятно, что они – иудеи, которых Господь защитил и предостерег знаменем <их> отцов. И каждый раз, когда тартары подступали к облаку, их поражало слепотой, а некоторых даже смертельным ударом. Однако они могли, как бы то ни было, видеть друг друга сквозь облако. А после того как они не смогли пройти с обеих сторон облака на расстоянии двух дней пути так, чтобы оно больше не стояло перед ними, они двинулись в дорогу своим путем.

<16> Итак, тартары, совершая путь пешком и слабея от голода, нашли кишки или все внутренности некоего животного, достаточно зловонные, которые, как они сами считают, были оставлены прежде, когда они в том самом месте ели; и, когда кишки были принесены к Чингис-кану, он приказал <их> сварить, выжавши только большой кал руками, никоим образом не разрывая и не повреждая внутренности. Это и было сделано, и при таких обстоятельствах Чингис-кан, вместе с прочими уже почти умиравший от голода, <их> съел, и с тех пор Чингис-кан постановил ничего из внутренностей не выбрасывать, кроме большого внутреннего кала, о чем подробнее говорится <тогда>, когда говорится о традициях <неписанных законов> тартар. Совершив эти вещи, он вернулся в свою землю и был поражен <ударом> грома согласно Божественному приговору.

<17> А второе войско, посланное со вторым сыном Чингис-кана против индов, победило Малую Индию, то есть Эфиопию, в которой живут люди наичернейшие, и <к тому же> язычники. Когда же <тартары> достигли Великой <Индии>, обращенной <в христианство> апостолом Фомой, царь <этой> земли, которого обычно именуют пресвитер Иоанн, тотчас, хотя и не был хорошо подготовлен к войне, послал против них войско. Они использовали против тартар некую новую и неслыханную хитрость: они подготовили особым образом три тысячи всадников, впереди которых на седла посадили некие железные или бронзовые фигуры, которые содержали в своей полости живой огонь. И, прежде чем стрелы тартар могли их достичь, они начинали испускать огонь, раздувая кузнечные мехи, которые располагались на седле под бедром каждой <фигуры>. Вслед за огнем они начали метать стрелы, чем войско тартар было приведено в беспорядок. Одни обожженные, а другие раненые, они пустились в бегство, <а> инды, преследуя их, перебили многих, а остальных изгнали из своих границ, так что впоследствии тартары к индам не возвращались. Сами тартары рассказывали нашим братьям, что инды расположили войско к бою, подняв воинов на стременах над

Войско индов не выдерживает натиска железных всадников Искандера. Миниатюра 1330–1336 гг. Тебриз. Шах-наме. Фирдоуси. Cambridge, Fogg Art Museum.

<крупами> коней. «И прежде, чем мы успели понять происходящее, — <говорили они>, — те внезапно опустились в седла, и в нашу сторону брызнул огонь, за которым последовали их стрелы. Таким образом наше войско было обращено в бегство». Поскольку в течение следующих восемнадцати лет инды не видели тартар, то они им сказали через вестников: «Вы вторглись на нашу землю как воры, а не как доблестные воины, но теперь знайте, что мы каждодневно готовы к вашему нападению. Так что, несмотря на то, что вы сами не осмелитесь прийти к нам, ожидайте довольно скоро нашего нападения».

<18> А тартары, не решаясь вернуться к себе домой раньше установленного Чингис-каном срока, дабы избежать смертного приговора, двинулись в юго-восточном направлении. Пройдя более месяца по пустыне, они достигли Земли псов, называемой по-тартарски Нохой-Кадзар. Ведь нохой по-тартарски означает на латыни canis (собака), а кадзар по-тартарски означает на латыни terra (земля). Они нашли там только лишь женщин без мужчин <и>, захватив их в плен, остались на два <дня> возле реки, которая протекает посередине <этой> земли, а когда спросили <их> о мужчинах, каковы они и где находятся, <те> ответили, что <их мужчины> от природы — псы и что они, прослышав молву о врагах, переправились через реку. На третий же день обнаружилось, что все псы, которые обитали в <этой> земле, объединились, но, <поскольку> тартары насмеялись над ними, они, переправившись через реку, стали кататься по песку, который вследствие холодного времени замерзал на них. И так они проделали дважды и трижды, а поскольку псы были покрыты шерстью, то лед смерзся с песком на толщину ладони. Сделав это, они ринулись на тартар. Те же, смеясь, начали метать в них стрелы. Но поскольку им не мог быть причинен вред иначе, чем через рот и глаза, они уничтожили очень немногих. Псы же, быстрее добегаая <до них>, одним укусом валили коня, а другим душили татарского <всадника>. И так, тартары, видя, что ни стрелы, ни мечи не могут повредить псам, пустились в бегство. Псы, преследуя их в течение трех дней <и> умертвив очень многих, изгнали их из своих границ. И таким об-

Искандер сражается с носорогом. Шах-наме. Фирдоуси. Миниатюра 1330–1336 гг. Тебриз. Boston, Museum of Fine Arts.

разом обрели впредь мир от них. Некий тартар также рассказал брату Б<енедикту>, что его отец был в то время убит псами. Кроме того, брат Б<енедикт> твердо уверен в том, что он сам видел среди тартар одну из песьих женщин, о которой он даже говорит, что она рожала от тартар, но <рожала> мальчиков чудовищных. А вышеописанные псы очень волосаты, они понимают полностью речь женщин, а женщины — <смысла> знаков псов. Если женщина рождает дитя женского пола, у него человеческий облик матери, <а> если мужского, то он делается псом, как отец.

<19> Возвращаясь восвояси из этой земли, тартары захватили землю, которую называют Буритебет. Бурит означает «волк», что хорошо подходит к жителям <этой> земли, которые имеют обыкновение, словно дикие волки, поедать, собрав родню, умершего отца. У них нет волос на подбородке, но, если волосы появляются, они выщипывают их железными щипчиками, изготовленными для этой цели. Кроме того, они очень безобразны.

<20> Третье же войско, которое пошло на запад с Тоссу-каном, сыном Чингиза, покорило сперва землю, которая зовется Теркемен, во-вторых — бисерминов, затем — кангитов, <и> наконец они вторглись в землю Куспкас, то есть Команию. А команы, объединившись со всеми русскими <князьями>, бились с тартарами между двумя ручейками — название одного из них Калк, а другого Кониуззу, то есть «вода овец», ведь кони по-тартарски означает на латыни oves (овцы), а уззу — aqua (вода), и они были разгромлены тартарами. Крови с обеих сторон было пролито до самых конских уздечек, как передавали те, кто участвовал в сражении. Итак, когда тартары их победили, то стали возвращаться в свою землю и на обратном пути захватили некоторые земли на севере, а именно: бастархов, то есть Великую Венгрию, которая соседствует с морем-океаном на севере.

<21> От этой земли они пришли к паросситам, которые высоки ростом, но шуплы и немощны. Имея живот маленький и круглый в виде небольшой чаши, они никогда не едят глотая, но живут паром. Ведь у них вместо рта маленькое отверстие. И в то время, когда они варят мясо, положенное в горшок, они кормятся, дотягивая пар через <упомянутое> маленькое отверстие. А мясо, не заботясь о нем, бросают собакам. Итак, их <тартар> эти <люди> не заботили, потому что они испытывают сильное отвращение ко всему чудовищному. После этого они прибыли к неким <людям>, которые называются самоеды. Но и эти люди их не заботили, потому что-де они люди бедные и дикие и живут только охотой. Наконец, они прибыли к тем, которые зовутся укорколон. Укор по-тартарски означает на латыни bos (бык), колон — pedes (ноги): <получается>, так сказать, «ноги быка». Они же называются нохойтерим: нохой означает canis (пес), терим — caput (голова), то есть «голова пса», на латыни же говорится canina

сарута (песьи головы). У них бычьи ноги вниз от лодыжек, человеческая голова от затылка до самых ушей, но лицо во всех отношениях как <морда> пса, и поэтому они именуются по своей отличительной части. Они говорят два слова, а третье пролаивают, и ввиду этого они также могут называться псами. Они также <люди> дикие и в беге соответствующим образом проворны. И они <тартарь> последних сходным образом презирают. Итак, вернувшись в свою землю, они нашли Чингис-кана пораженным <на смерть> ударом грома.

<22> Кроме того, тартары сообщили нашим братьям, что они побывали в земле неких людей, у которых были только одна нога и одна рука <и> которым никто не мог причинить вред вследствие скорости их <передвижения> и силы стрел. Ведь один <из них> натягивает лук, а другой пускает стрелу сильнее, чем любой <другой> народ. Говорят также, что своей скоростью они превосходят не только жителей других стран, но даже всех четвероногих на земле. Поэтому перед появлением наших братьев у тартар двое из уже названных людей (отец и сын), явившись ко двору императора тартар, спросили: «По какой причине вы пытаетесь беспокоить нас войнами? Разве мы не превосходим вас в метании стрел и скорости бега?» И когда самый быстрый конь был поставлен бежать с ними <наперегонки> на виду у всех, соглас-

**Хулагу, внук Чигис-хана, завоеватель Персии.
Миниатура из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина (Персия, XV в.).
Париж. Национальная библиотека Франции.**

но ранее сказанному, они <тартары> пустили коня мчаться быстрым бегом. А эти <люди> удивительным образом начали быстро возвращаться, подобно колесу, и внезапно настигли коня. Наконец, обратясь спиной к коню и тартарам, они побежали в свою землю. Тартары, увидев это, больше не захотели к ним вторгаться. А зовутся они унипедами <одноногими>.

<41> Он <Чингис-кан> также установил, чтобы <тартары> покорили все земли мира и не заключали бы мира ни с кем, разве только те сами открыто и безоговорочно не сдадутся им, и на этот случай приказал щадить простых людей, а всех более знатных умерщвлять. Он им <т.е. тартарам> также предсказал, что в конце концов все они будут убиты в земле христиан, однако немногие оставшиеся <в живых> будут соблюдать закон <той> земли, в которой отцы их погибли различными смертями.

Перевод с латинского и реконструкция романа осуществлены автором по версии брата Бенедикта, сохранившейся в «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа.
Перевод и нумерация параграфов даны по изданию: *Hystoria Tartarorum*
C. de Bridia monachi / Ed. et annot. A. Onnerfors. Berlin, 1967.

Двор в белых одеждах. Праздник Нового года.
Монгольский император в окружении двора. Иллюстрация из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина.
Около 1330 г. Торкар . Saray -Museum.

После прочтения романа может возникнуть предположение, что перед нами некий эпический текст, в котором представлен традиционный набор сюжетов о преодолении героем необычных преград. Но это предположение опровергается тем обстоятельством, что армии Чингис-хана терпят катастрофические поражения, причем в разных случаях обыгрывается одно и то же обстоятельство, в реальности определявшее непобедимость монгольских армий, а именно — искусство конных лучников.

Фантастические эпизоды этой истории настолько диссонируют с содержанием достоверных сведений францисканцев, равно как и с содержанием всех известных средневековых источников, повествующих об империи Чингис-хана, что не могут не возникнуть вопросы. Однако у большинства исследователей странное содержание названных эпизодов особого удивления не вызвало, поэтому никаких размышлений на интересующую нас тему в их работах мы не обнаруживаем. Это обстоятельство позволяет резко сузить библиографический обзор по теме, оставив без внимания усилия современных пересказчиков занимательных историй францисканцев.

Начнем же мы со следующего вопроса: кто и с какой целью написал сочинение о том, как монгольские армии покоряют мифический континент? Мировое исследовательское сообщество сошло на мысли, что францисканцы записали случайные легенды и населили пространства Центральной Азии монстрами, почерпнутыми из античной традиции. В таком случае, надо полагать, дипломаты решили ввести в заблуждение римскую курию, а заодно и западных читателей, выдавая вымышленные истории за действительность. Но, как пишет брат Иоанн в прологе своей книги, папа поручил миссии сбор точных сведений. Как тогда объяснить фантастические (с современной точки зрения) эпизоды, которые

вошли в официальное донесение? Какие важные для курии сведения содержатся, например, в описании битвы монголов с войском псов, покрытых ледяными панцирями? Может быть, брат Иоанн и его спутники не отличали вымысел от действительности, или, скажем иначе: литературные сведения от исторических?

Наиболее популярной сегодня является теория о наивности францисканцев, принимавших выдумки за реальность. Мало того, что эта теория ничего не объясняет, она не находит опоры в тексте. К тому же, она носит оценочный характер, который, по сути, исключает путь к пониманию. Другой крайностью является попытка представить некоторые удивительные эпизоды как результат непреднамеренных ошибок, неизбежных у наблюдателя в иноязычной среде при фиксации событий чужой истории.

Спрашивается, почему тогда подобные «ошибки» псевдоисторического характера соотносятся с фантастическими эпизодами и вместе составляют общую композицию? Фантастические эпизоды либо ставили исследователей в тупик, либо, что более естественно, просто игнорировались. В лучшем случае, историки ограничивались пересказом загадочных сведений.

Вопреки мнению большинства исследователей, ответ на эту загадку существует. На мой взгляд, в своих донесениях францисканцы использовали какое-то неизвестное современной науке сочинение. Это предположение позволяет объяснить почти все неясности, связанные с проблемой авторства странного текста.

Единственная смелая гипотеза на этот счет, достойная развития, принадлежит американскому историку Дж. Пейнтеру, который высказал предположение, что в Монголии францисканцы познакомились с сочинением, которому Пейнтер дал условное название «Роман о Чингис-хане» (по аналогии с «Романом об Александре»). Пейнтер считал его фольклорным произведением, получившим в конце

Мифические люди и животные. Meigenberg, Buch der Natur, 1478.

концов признание со стороны монгольской элиты (впрочем, только в качестве занятого вымысла, добавляет Пейнтер). Однако предложенное восторженное сравнение «романа» со средневековыми эпосами нельзя признать особенно удачным, поскольку ни один из легендарных его эпизодов даже условно нельзя назвать эпическим. Ведь Чингис-хан проигрывает все фантастические сражения, и завершив свои странствия, погибает от удара грома.

Суть проблемы заключается в распознании «текста в тексте». Достаточно вычленив из донесений францисканцев сюжеты легендарного характера, чтобы убедиться, что первоначально они составляли вполне самостоятельное литературное произведение. Разумеется, это не снимает вопроса о загадочности его содержания, но позволяет с уверенностью отрицать авторство францисканцев. Последние лишь с большей или меньшей точностью записали перевод этого сочинения, добавив в некоторых случаях свои интерпретации. Создать такое произведение было под силу лишь автору, который прекрасно знал персидские космографии и одновременно был посвящен в тайны империи. Речь, следовательно, может идти о представителе одной из элитарных восточных групп, перешедших на службу к монголам.

Скорее всего, францисканская миссия познакомилась с этим сочинением, находясь в орде хана Гуюка во время курултая летом 1246 г. На выборы нового хана съехалось около четырех тысяч послов с разных концов империи. Вероятно, с ними прибыло не меньшее число переводчиков. Столпотворение языков и народов напоминало библейский Вавилон. Ситуация таила в себе неожиданные встречи. Можно с уверенностью предположить, что переводчики одного из бесчисленных посольств и привезли с собой загадочное сочинение о Чингис-хане. Судя по всему сочинение существовало на каком-то из восточных языков и было переведено на латынь при посредстве русских священников.

Что может бесспорно свидетельствовать о литературном характере сведений, зафиксированных францисканской миссией в Центральной Азии? В первую очередь существование восточных текстов, где описаны те же самые чудесные народы и необычные природные феномены. Такие тексты были мной обнаружены и сопоставлены с фантастическими эпизодами из донесений францисканцев. И здесь я столкнулся с необычным обстоятельством: все заимствованные сюжеты оказались зеркально перевернутыми. Следовательно, ключ к пониманию замысла

необычного сочинения заключается в инверсии. «Перевернув» исходный восточный сюжет, мы получим эпизод из донесений францисканцев. Ясно, что подобной игрой с текстами францисканцы не могли заниматься. Во-первых, у них на то не было причины, а во-вторых, они не знали восточных текстов. Они лишь зафиксировали перевод сочинения неизвестного автора. Тем самым, теория о наивности францисканцев, увлеченно собиравших легенды о монстрах, утрачивает свою притягательную силу. Так можно кратко сформулировать суть моего открытия. На вопрос — какую цель преследовал автор сочинения — мы ответим чуть ниже. А пока рассмотрим метод конструирования текста на примере одного сюжета, не нашедшего объяснения за последние 200 лет.

Восточные параллели

По замыслу неизвестного автора, Чингисхан стремится повторить самое великое деяние Искандера, которому удалось побывать у места восхода солнца. На первый взгляд кажется, что легендарная фигура Чингис-хана ни в чем не уступает своему прообразу. За исключением одной «перевернутой» детали, которая в конечном счете меняет смысл всего эпизода. Армия Чингисхана, достигнув восточного края земли, не выдерживает внезапного шума восходящего светила и в ужасе покидает враждебное пространство. С собой они уводят в плен местную женщину, которая спустя некоторое время и сообщает им важный секрет. Оказывается, шум солнца можно было победить грохотом барабанов.

Чудеса Востока. Фантастические существа. Malibu, J. Paul Getty Museum.

Первым шагом, натолкнувшим меня на поиск восточных параллелей, была находка следующего текста. В персидской космографии XIII в. «Чудеса мира» упоминался недоступный город на Востоке, где солнце восходит со страшным шумом. Обитатели этого необычного города грохотом барабанов заглушают шум солнца. В знаменитой поэме персидского автора XII в. Низами Гянджеви влекомый жаждой странствий Искандер прибывает в этот же город и, заранее предупрежденный знатоком путеводных книг, на рассвете приказывает бить в барабаны, чем спасает свою армию. Чингис-хан в этой же ситуации, не имея советчика, не знает как поступить. Иными словами, восточный поход Чингис-хана, из которого он возвращается ни с чем, является зеркальным развитием темы Искандера — покорителя горизонтов. И одновременно обыгрывается официальная формула, прославляющая подвиги Чингис-хана, который «покорил мир от восхода солнца до захода». Автора, похоже, занимала проблема: что произойдет с империей и ее основателем, если границы империи расширятся за доступные человеческому познанию пределы.

Что же дальше?

Монголы вторгаются в Великую Индию, царство пресвитера Иоанна. Инды используют неслыханную военную хитрость: медные фигуры, укрепленные на спинах лошадей и мечущие огонь на расстояние, превышающее полет монгольских стрел. В реальности такое оружие никогда не существовало. Ближайшая литературная параллель имеется только

в «Шах-наме» Фирдоуси: Искандер приказывает изготовить железных всадников, которых начиняют горячей нефтью и направляют против боевых слонов индийского царя Пора. Однако между медными фигурами пресвитера Иоанна и железными всадниками Искандера есть существенная разница. Инды используют против монголов огнеметы, причем описывается византийская

техника метания «греческого огня», тогда как фигуры Искандера просто раскалены. Медные всадники индов появляются в результате литературной инверсии известной военной хитрости монголов, которые использовали войлочные фигуры, укрепленные на лошадях, чтобы создавать иллюзию многочисленности своего войска. Картина фантастической битвы с иронией обыгрывает известную имперскую легенду о победе Чингис-хана над пресвитером Иоанном.

Потерпев поражение от индов, монголы вторгаются в Землю псов. Мужчины этой земли — псы от рождения, с помощью военной хитрости изгоняют монголов. Стрелы монголов отскакивают от ледяных панцирей псов. В подобной битве участвовал герой тюркского эпоса хан Огуз. Разумеется, Огуз выиграл это сражение. На обратном пути войско монголов попадает в Буритебет, жители которого поедают своих умерших отцов. Вопреки традиционному мнению, вымышленная область Буритебет не имеет никакого отношения к реальному Тибету. Собственно, рассказчики и не скрывали этого обстоятельства, сообщив брату Бенедикту, что *burg* означает «волок» и вполне соответствует

Раскаленные медные фигуры в битве со слонами индийского царя Пора. Западная средневековая миниатюра. Берлин. Государственный музей.

Страна собакоголовых людей на острове Андаман. Иллюстрация XIV в. к книге Марко Поло. Париж. Национальная библиотека Франции.

ужасному обычаю этих людей. Версия перевода брата Бенедикта демонстрирует целый ряд таких же придуманных названий, например, Нохой кадзар — «Земля псов», Укорколон — земля «быченогих». На самом деле легендарный этноним «Буритебет» составлен из двух тюркских слов: *buḡi* (волк) и *tobet* (кобель). Собака и волк были тотемами многих племен Центральной Азии и воплощали мощь и мужскую силу. В «Секретной истории монголов» Чингис-хан не раз сравнивает своих старших офицеров с псами, пожирающими кровь поверженного противника. С учетом этого факта становится ясным композиционный замысел этой части сочинения: в Земле псов монголы проигрывают «истинным» псам, чьей пищей была живая кровь, и одерживают сомнительную победу над «народом волков», пожирающих мертвую плоть. Инверсия престижного образа волка понадобилась неизвестному автору для того, чтобы монголы сразились с противником, чей образ является перевернутым отражением самих монголов.

Другое монгольское войско, покорив бисерменов, кангитов и кыпчаков, устремляется на север и захватывает Великую Венгрию, которая соприкасается с морем-океаном на севере. Совершая рейд к границам мира, монголы попадают в землю легендарных паросситов, питающихся исключительно

паром. В средневековой латинской литературе этноним «паросситы» фигурирует только в донесениях брата Иоанна и брата Бенедикта и имеет прозрачную русскую этимологию: «пар» + «сытый», буквально, «паром сытые». Последнее обстоятельство делает бесперспективной любую попытку локализовать паросситов в реальном пространстве. Не менее легендарными являются и самоеды (буквально, «поедающие сами себя»), в чью землю приходят монголы. В древнерусской традиции самоеды символизировали крайне удаленные племена Севера, чья область отделена от обитаемого мира непроходимыми горами. Третий легендарный народ на пути монголов — быченогие и песьеголовые люди. Ни с одним из названных народов монголы

не сражаются. Топография легендарного монгольского похода к северным пределам мира заимствована из китайского сочинения XIII в., известного при монгольском дворе. В нем описывается путешествие к мифическим народам Севера: в царство собак, область быченогих, антропофагов.

На обратном пути монголы встретили половинотелых людей-монстров, каждый из которых обладал только одной рукой и одной ногой. Между монголами и монстрами происходит соревнование в стрельбе из лука и в скорости передвижения. Превосходство оказывается

Собакоголовый. Изображение на Эбсторфской карте мира (XIII век).

на стороне монстров. Интересно, что техника метания стрел и выносливость лошадей были самыми известными и прославленными качествами монгольских армий. С какой целью обыгрываются именно эти два параметра, символизирующие мощь империи и непобедимость ее армий? Несмотря на очевидный легендарный контекст, ответ не может быть найден в рамках мифологической традиции. Пока лишь отметим, что брат Иоанн называет однуруких и одноногих людей циклопедами (круглоногими), а брат Бенедикт — унипедами (одноногими).

На самом деле ни тот, ни другой вариант не имеют никакого отношения к асимметричным существам, с которыми соревнуются монголы. Ближайшая литературная аналогия находится в сочинении арабского космографа XIII в. Закарийя ал-Казвини, который описывает одноногих и однуруких наснасов. Асимметричные воины являются типичными представителями тюркской, в частности, якутской мифологии. Асимметричность — признак иного мира. Перед нами не совсем удачная попытка францисканцев отождествить неизвестных им мифических персонажей с традиционными для западной культуры маргинальными образами. Монстры считаются необходимым элементом средневековой ментальности. Дело не в монстрах как таковых, а в том, что монголы достигают областей, где обитают монстры, и вступают с ними в сражения. Вся соль в комбинации реальных походов монголов и ирреальных персонажей, обладающих секретом

непобедимости. При ближайшем рассмотрении оказывается, что монстры с успехом используют монгольские военные приемы и хитрости. Обе соперничающие силы являются объектом вполне осознанной игры. Тот, кто придумал эту игру, с особой тщательностью подбирал коллекцию фантастических противников монголов. Монстры из донесений францисканцев вызывали у исследователей самый оживленный интерес, но никто не рассматривал их в контексте военного соперничества с монголами, фантастическая империя которых посягнула на запретные пространства Космоса.

Приключения войска Чингис-хана, на первый взгляд, вообще необъяснимы. Оно отправляется к восточным пределам мира. На его пути лежат Каспийские горы, состоящие из адаманта (алмазного камня). Магнитная сила Каспийских гор лишает войско оружия и железного снаряжения, вплоть до конских подков.

Однако хорошо известно, что боевые монгольские лошади никогда не подковывались. Исходная легенда заимствована из арабского сочинения X в. «Чудеса Индии», где описана магнитная гора в Китае, приближаясь к которой путешественникам рекомендуется снимать подковы со своих лошадей и использовать деревянные стремена и седла.

И вот шум, поднятый летящим оружием, был услышан неким загадочным народом, запертым в Каспийских горах. В течение десяти лет они разрушают гору и, выйдя на простор, пытаются сразиться с войском

Блелий (безголовый), унипед (одноногий) и одноглазый человек. Иллюстрация из «Книги чудес» Марко Поло. Париж. Национальная библиотека Франции.

Чингис-хана, возвращающимся домой. Но слепящее облако разделяет противников и не дает им сблизиться друг с другом. Мифическая слепота указывает на рубеж видимости, который является важнейшим признаком маргинальной зоны. Можно предположить, что в этом эпизоде описывается вторжение монголов в инфернальное пространство. Каспийские горы символизируют мифический центр мира, и Чингис-хан дважды пытается покорить его. В этой точке пространства, по замыслу автора, видимо, должен был

Иллюстрация из «1001 ночи», изданной на урду.

состояться главный поединок. Горизонтальный маршрут экспедиции Чингис-хана прерывается и переходит в вертикаль. Следование по вертикали могло привести либо в мир богов, либо в нижний мир. Путь наверх для Чингис-хана закрыт. Могущество Бога безмерно, и война с ним невозможна. Разрушение преграды и появление оттуда запертого народа следует рассматривать как путешествие Чингис-хана в нижний мир и попытку воинственного столкновения со своими предками.

Интересна попытка брата Бенедикта интерпретировать этот сюжет в библейском контексте. Он с некоторой долей сомнения сначала пытается отождествить запертый народ с Гогом и Магогом, а затем, словно не замечая противоречия, с десятью потерянными коленами Израиля. Современная научная традиция пошла по пути, предложенному братом Бенедиктом, хотя известно, что во времена Чингис-хана отмечался важный праздник, имитировавший древнее предание о том, как предки монголов, запертые в горной долине, вышли на степной простор, расплавив горный склон. Сам же Чингис-хан изображал кузнеца. Сценарий этого праздника и послужил материалом для создания сюжета о запертом народе (порождая знаменательную ассоциацию с Гогом и Магогом).

Далее монгольское войско пересекает бесконечную пустыню. Из-за нехватки провианта Чингис-хан отдает приказ съедать каждого десятого воина. Разумеется, это вымышленный факт, хотя имеется и иная точка зрения. Легко заметить, что неизвестный автор равнодушен к военным символам монголь-

ской империи. Мне кажется, что в данном случае с жесткой иронией обыгрывается один из таких символов, а именно — десятичное устройство армии. Приказ съедать каждого десятого соотносится с реальным законом военного времени: умерщвлять весь десяток, если во время сражения в страхе бежит хоть один воин из десятка или случайно погибнет десятник.

Когда Чингис-хан возвращается в центр своей империи, Небо убивает его ударом грома. Но известно, что Священное Небо было Богом монголов и считалось покрови-

телем Чингис-хана. Инверсия символов очевидна, но пока неясно, какова цель этой инверсии. Завершается сочинение пророчеством, на странный характер которого также никто не обратил внимания: монголы сражались 42 года и должны править миром 18 лет, после этого они будут побеждены неизвестным народом. Суммарный срок равен 60 годам, что соответствует китайскому циклу космического обновления. Пророчество предвещает крах империи.

Перечисленных сюжетов достаточно, чтобы поставить вопрос о необычном характере сочинения, описывающего фантастические походы трех монгольских армий. Большинство известных мне исследований ограничивается лишь перечислением названных сюжетов и не рассматривает их как единую картину.

В обратной перспективе

Моя трактовка фантастических эпизодов как описания вымышленной империи Чингис-хана расходится с существующей научной традицией, однако на то есть серьезные основания.

С моей точки зрения, картина вымышленных походов отражает квазиисторическую модель монгольской империи. В тексте описываются внешние границы империи. Ближайшей литературной аналогией являются странствия Искандера, томимого жаждой разведать пределы мира. Но если Искандер познает неосвоенный мир, то Чингис-хан пытается его покорить. Поэтому попытки увидеть за вымышленными сюжетами исторические факты неприемлемы.

Перед нами не трансформированная реальность или перечень исторических ошибок, и уж тем более не наивные представления о загадочной Азии, а особый «художественный» мир, описываемый в обратной перспективе. Это проявляется в особом интересе к пограничным ситуациям, инверсии заимствованных литературных сюжетов (например, шум солнца) и обостренном внимании к символам империи. Сыну Неба, возглавлявшему непобедимые армии, противопоставлен его зеркальный образ — воитель, ведущий в неизвестные пространства армию, лишившуюся оружия.

С какой целью неизвестный автор заставляет монголов покорять маргинальные миры? Запретные пространства описываются здесь с единственной целью: они являются границами, переступив которые Чингис-хан нарушает космический порядок, присоединяя к своему владычеству пространства хаоса, что с неизбежностью превращает его империю в некий антисоциум. Преграды, отделяющие человеческий мир от хаоса, прорваны. Вернее сказать, этих границ уже не существует. Появление при дворе великого хана посольства асимметричных людей означает вторжение в человеческое пространство сил иного мира. Фантастическая империя обречена. Ее конструкция не выдерживает собственной тяжести. Итогом замысла ми-

ровой экспансии станет смерть Чингис-хана по воле разгневанного Неба.

Следует предположить, что это сочинение не относится к разряду «серьезных» памфлетов, поскольку не преследует ни политических, ни религиозных целей. Исключено и предположение о его комическом характере: в нем нет ни одного пассажа, выдающего примитивную критику империи. Итак, перед нами игра смыслами, фантастический замысел средневековых интеллектуалов. Скорее всего, автор был представителем высшей монгольской элиты, который, реализуя свой замысел, предавался «высокому развлечению».

Трудно представить, для какой аудитории предназначался такой своеобразный карнавал мыслей. Это сочинение взрывает наши представления о творческих возможностях средневековых интеллектуалов. Если я прав, текст создан настолько свободным воображением, что кажется вообще невероятной сама возможность существования подобных сочинений. Похоже, мировая наука не знает таких текстов и не умеет с ними работать.

Вопреки мнению большинства исследователей, смысл текста прозрачен. Это попытка десакрализации образа Чингис-хана через изображение захватывающей картины инвертированного мира, отвергнутого Богом.

Юрченко А. Г. Чингис-хан в стране «шумящего солнца» // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 12. 1998.

Юрченко А. Г. Игра с мифами и символами или империя Чингис-хана в обратной перспективе (Опыт интерпретации средневековых текстов) // Вестник Евразии. Acta Eurasica. 4 (11). М., 2000.

Юрченко А. Г. Восточный ребус для западной историографии // Российское монголоведение. Бюллетень. V. М., 2001.

Boyle J. A. Narayngen or the People of the Sun // *Altaica collecta* (Berichte und Vortrage der XVII. P.I.A.C. 3.-8. Juni 1974 in Bonn / Bad Honnef), W. Heissig (Hrsg.). Wiesbaden, 1976.

Fried J. Auf der Suche nach der Wirklichkeit. Die Mongolen und die europaische Erfahrungswissenschaft im 13. Jahrhundert // *Historische Zeitschrift*. 243, 2. 1986.

Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei Mongoli* / Ed. critica del testo latino a cura di E. Menesto; trad. italiana a cura di M. C. Lungarotti e note di P. Daffina; introduzione di L. Petech; studi storico-filologici di C. Leonardi, M. C. Lungarotti, E. Menesto. Spoleto, 1989.

Gueret-Laferte M. *Sur les Routes de l'Empire Mongol. Ordre et rhetorique des relations de voyage aux XIIIe et XIVe siecles.* Paris, 1994.

Johannes von Plano Carpini. *Kunde von den Mongolen: 1245 – 1247 / Ubersetzt, eingeleitet und erläutert von F. Schmieder.* Sigmaringen, 1997. *Jurow W. Benedykt Polak jako sredniowieczny zbieracz podan i legend o Tatarach* // *Literatura Ludowa*. 20:1976, nr 6 (1977).

The Vinland Map and the Tartar Relation / by R. A. Skelton, Th. E. Marston, and G. D. Painter, for the Yale University Library, with a foreword by A.O. Vietor. New Haven; London, 1965.